

Юлия РУБИНШТЕЙН

г. Сосновый Бор, Ленинградская область

От земли

Прыжок. От земли долой!
Упруго прогнись, равнина.
Ударивши пяткой злой,
на миг я тебя покину.
Но через миг вернёт
к тебе тяготенья гнёт.

Разбег. От земли долой,
когда обгоню теченье.
Обнимет воздушный слой,
от веса даст излечение.
Но он переводит дух –
и, значит, разбег затух.

Рожденье огня внутри –
вам, звёзды, привет мой братний!
Считаю не «раз, два, три» –
отсчитываю обратный.
Теперь от Земли долой,
покуда сам удалой!

Иголка

Подарили матрёшку.
Не девчушку – зайчишку.
Открутила недрожко
деревянную крышку.

Ниже – крылышки-перья,
кряква-утица сиза –
отпираются дверью,
словно падает риза,

а под нею – яичко,
расписное Ярило...
Щёлк – и вылетит птичка?
Ой, нечистая сила!

Как блеснула иголка,
из скорлупки полезла!
Неприступно и колко,
зло и жалко железо.

Хватом крепким и жарким
изломить, обезглавить!
Будут гуси-гагарки
вёсны новые славить,

улыбнётся зеркально
за стеклянной завесой
прадед с жёлтой медалью
«Оборона Одессы».

Треск. В обломки. В осколки.
И свет не поймать...
То ли дрон, то ли колокол,
то ли кузькина мать.

Лишнее

Почудилось: гармошкой колготки
и репетиция поклона тётке;
поблазнилось – юннаты, стройотряд,
как чадно письма папины горят;
привиделась поленница бутылок,
уполовинена рытьём могилки,
но снега хруст живьём стоит в ушах.
Идём с вокзала. Шаг. За шагом шаг –
туда, где ты, и ничего иного.
Где конченное не начнётся снова,
где рельсы снег заподлицо занёс,
бел до невидимости паровоз.
Лишь ты – и жажда нового житья.
Нужна ли ей пустая тень моя?

Анатолий ГЛАДЫШЕВ

Выкса, Нижегородская область

* * *

А ты на скамейке с соседом,
Спасаясь в тени от жары,
Пускала в беспечное лето
Из пены зеркальной шары!

Из выдоха, из ниоткуда,
Дрожа от небесных лучей,
Прозрачное, робкое чудо
Купалось в восторге детей!

И я зачарованным взглядом,
Забыв про земные дела,
Следил, как нестройным парадом
Бокастые плыли тела.

О, как бесконечно мгновенье,
Когда, проникая в эфир,
Качается от напряженья
Мой маленький радужный мир!

Егор ПЕРЦЕВ
г. Олонец, Карелия

* * *

На нашу долю это бремя выпало,
И мы с тобой вдвоём его несём.
Мы не стыдимся сделанного выбора
И Господа благодарим за всё.

Дрожит земля, израненная минами,
И дымом степь затянута густым.
Я знаю, всё пройдёт, моя любимая.
Всё сбудется для нас за то, что ты

Так тосковала, так ждала и верила,
И слышала ночами голос мой...
Наступит день: умолкнет артиллерия.
Наступит час: и я приду домой.

* * *

Я помню всё. Я не хочу обратно.
Я рад, что это было так давно.
На солнце, говорят, бывают пятна,
Но вместо солнца чёрное пятно
Не грело, а коптило надо мною,
Не утешала ночь, и день не грел...
Мне снились сны, где духота и бред,
Где нет любви, и я всему виною.
Где двери есть, но некуда мне выйти,
Где на вопрос молчание в ответ...

Затем я мрак такой тогда увидел,
Чтоб знать его и чтоб идти на свет.

* * *

Мой груз. Он более ничей.
Его взвалил на плечи,
Чтоб голос, как виолончель,
Глубок и человечен,

Звучал и говорил с тобой
О том, что каждый – вечен.
Есть в жизни боль, но жизнь – не боль,
А ожиданье встречи.

Анна РЕТЕЮМ

Москва

* * *

Вот небо, вот земля –
какие шутки, брат?
И cedят тополя
смолистый аромат.
И жизни строгий дух
горчит, извечно свеж,
врачуя наш недуг
насмешливых невеж.
И строгость та легка,
и горечь та чиста,
как милости река,
как слёзы у Креста.

Облака

Что за облака – цивилизации! –
в вечности сияют голубой,
полные достоинства и грации,
да и просто полные собой.
Словно горы кипенной акации,
с лестницей по склонам винтовой,
чистой красоты цивилизации
в даль свою плывут над головой.

* * *

Куда растёшь ты, дерево души,
ветвями шевеля нетерпеливо,
топорщась в самой царственной тиши,
у почвы камня молчаливо?
Ты буйствуешь, терзая нежный свод,
древесные узлы крутя на память,
и слёзы льёт небесный Садовод –
не в силах кривизны твоей исправить...

* * *

Как хорошо забыть ключи,
сидеть под дверью кротко, –
сверчок сознания, сверчи,
сквозь темень околотка.

И делать нечего в плену
застывшей круговерти –
берёшь на плечи глубину
и вес небесной тверди,
берёшь на сердце остриё
звезды, скользнувшей кратко,
и одиночество твоё –
прозрение, догадка...

* * *

С другими сравнивать привычка
себя – сколь годеи и горазд –
смешна: пожалуй, и синичка
любим солистам фору даст.
Уж если хочется сравнений,
ты на деревья, птиц гляди –
какие стойкость и смиренность,
какая музыка в груди;
сравни себя с высоким небом,
с Полярной чистою звездой,
и, проиграв в сравненье этом,
не измеряй людей собой.

* * *

Всё просто на земле широкой, просто –
любить, любить до самого погоста
шатровых сосен дебри меховые
и белых храмов солнечные выи,
протяжных волн гремучие узоры
и в дымке кристаллические горы,
и знак, что на крыле уносит птица,
и лица, человеческие лица.

Владимир ПЕСКОВ

Нижний Новгород

О жизни

(подражая Джону Китсу)

Мы все живём четыре долгих дня.
День первый – это юности цветы.
Его мгновенья в памяти храня,
Неоднократно вспоминаешь ты.

Второй свой день ты проведёшь в пути,
Встречая рядом правду и враньё,
И те дороги, что сумел пройти,
Определят величие твоё.

На третий день, уставший от сует,
Ты оглядишь преодоленный путь:
Что совершил, какой оставил след,
И может быть, исправишь что-нибудь.

Четвёртый день наступит, жди его,
Когда не сможешь сделать ничего.

Екатерина ГРУШИХИНА

г. Красногорск, Московская область

Воротился ветер

Воротился ветер с чужой земли, –
Умудрён, просветлён, игрив.
Облаков раскачивая корабли,
Он увидел красотку, чей нежный лик
Был прекрасней заморских див.

Волосами ее заигрался ветер,
Колыхнул сарафан из льна:
– Как зовут, тебя, девица, маков цвет?
В васильковых глазах потонул рассвет...
Отвечала она: «Жена».

Поднимая в небо колосья ржи,
Вольный ветер горазд летать.
По морщинкам земли ручеек бежит,
– Как зовут, тебя, милая, расскажи?
И она отвечала: «Мать».

Все мертвее и выше степной ковыль.
В чистом поле стоит – чёрна,
Не поднимет звериной своей головы.
Вместо платья – саван, глазницы – рвы.
– Как зовут тебя, смертница? – ветер взвыл.
Отвечала она: «Война».

Обезумел ветер, сошел с ума,
Молодецкий задор иссяк.
Полыхают деревни, горят дома,
У церквушки безмолвны жена и мать.

А высоко в небе – Господня рать, –
Журавлиный летит косяк.

Ангел рядовой

Ты – маленький,
С молочными зубами,
Пропахший материнским молоком,

Тебя уже крестили в местном храме,
Где с любопытством считывал орнамент,
Божественными фресками влеком.

Ты – маленький,
Но всех мудрей и глубже,
Критично близок к истине большой,
Твой детский ум по взрослому нагружен,
Хоть ты нелеп и вовсе безоружен,
Любим и по-младенчески смешон.

Ты – маленький,
Ты слышишь очень четко,
Но только без понятия, о чем –
Рыдают мама, бабушка и тетка,
И в унисон подхлипываешь кротко,
Уткнувшись в материнское плечо.

Ты – маленький,
С лазурными глазами,
Лопочешь на библейском языке,
А твой отец на полсекунды замер,
Он, воспарив, на полсекунды замер.
Чтоб сделать в вечность резкое пике.

Ты – маленький,–
Тебе, быть может, годик,
Быть может, два иль около того,

А за окном витает дух Господень,
И твой отец, как прежде, к службе годен,–
Бессмертный ангел. Ангел рядовой.

Аннэтэс РУДМАН

Москва

* * *

В антикварном быту старушки
Груды старого барахла:
Бусы, ёлочные игрушки,
В медных рамочках зеркала,
Веера, портсигары, броши,
Кресло, ваза, резной комод,
Зонт японский, почти не ношен,
Скупщик вряд ли его возьмёт.
Сердцу памятные предметы,
Как глоточки святой воды.
Горделиво глядят с портретов
Тёти, бабушки и деды.
Что отправить сегодня в скупку:
Янтаря золотую нить

Или бронзовую голубку,
Чтоб задолженность отплатить?
А в глазах – угольки печали,
Боль отчаянья – на лице.
Жизнь любила её вначале,
Но забыла о ней в конце.

* * *

Я вижу серость ваших глаз,
Кусочек неба в них погас,
Повсюду серость.
Она лежит здесь, не таясь,
К одежде липнет, словно грязь,
И в душу вьелась.
Я тоже в серости тону
И на себя беру вину,
Так будет лучше.
Мечтала вас свести с ума,
Но стала серой я сама –
Несчастный случай.

Екатерина КАРГОПОЛЬЦЕВА

Кострома

* * *

Храни меня, храни,
Мой ангел ясноликий,
Когда печаль... и в дни
Всех горестей великих.
Владей моей души
Глубинами и всё же
Пророчить не спеши,
Минувшее итожа.
Под сенью крыл твоих
Неслабнущих спокойно.
Они бы и двоих
Могли вести сквозь войны,
От бед и суеты...
О спутник мой тишайший!
Прошу лишь только, ты
Веди меня и дальше...

* * *

Выцвели звёзды над сонной теменью,
Мрак на земле – не видать ни зги.
Тихо... Как будто течение времени
Вдруг повернулось к мирам другим.

И, будоража виденья памяти,
В этой кромешной тягучей мгле
Прошлое то обернётся заметью,
То встрепенётся огнём в золе...

Петр РОДИН

Воскресенское, Нижегородская область

* * *

Если бы в парадные колонны
выстроить погибших на войне,
шли бы по брусчатке батальоны
к Мавзолею девятнадцать дней.

Грустную статистику такую
я припомнил, глядя на парад:
вот «кремлёвцы» бодро маршируют,
рубят шаг десантников отряд.

Юные, здоровые красавцы,
и не «будто» – точно на подбор.
их святое воинское братство
ворогу любому даст отпор.

Марш звучит «Прощание славянки»,
будто с той войны, издалека,
и идут в колоннах люди, танки
много дней и... прямо в облака.

Иван УДАЛЬЦОВ

Москва

* * *

Войдя в разбитые ворота,
Где угасает водопад,
Остановился серый кто-то,
Возможно – циник иль прелат.

Он слушал пение обломков,
Симфонию полутонов,
Звучавшую довольно громко
Средь молодеющих дубов.

«Зачем мой слух встревожен эхом? –
Подумал он. – Ведь что мертво,

Не воскрешается ни смехом,
Ни даже рёвом бурных вод.

Куда уж мне, шуту природы,
Вернуть из бездны падший храм?»
И стихло пенье, смолкли воды
И ветер, гулявший по ветвям.

Одиссей в сумерках

Надо мной в лазури ясной
Светит звёздочка одна:
Дар случайный, дар напрасный –
Ты ль на смерть обречена?

Лучше б я исчез во мраке
(Чтоб вернуться в свой черёд
К той неведомой Итаке,
Где печаль моя пройдёт).

Юрий ЕРМОЛАЕВ

Нижний Новгород

* * *

Я стоял под дождём,
Словно ждал очищения.
Верил, это послание
Льётся на землю с небес.
И дарила вода чистоту
И святое прощение.
Жаль, что чувства мои,
Как замена руки на протез.

* * *

Волноваться запрещено,
Сердце надо своё беречь.
Слышу, стужа стучит в окно.
Разожгу рецептами печь.
Лижут пусть языки огня
Смолянистое тело дров.
Если хочешь – лечи меня
Только нежностью русских слов.